

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

И. В. Задорин

СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: ОПАСЕНИЯ И ТРЕВОГИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН "БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ"

Успех сотрудничества ведущих государств мира по предотвращению (устранению) глобальных угроз в известной мере зависит от более или менее согласованного общественного мнения данных государств относительно значимости этих угроз. Одним из важных вопросов в этом контексте становится наличие (или отсутствие) общих массовых страхов и тревог, стимулирующих создание глобальных систем безопасности (военной, экономической, экологической и т.п.).

В апреле-мае 2006 г. Агентство "Евразийский Монитор" осуществило сравнительное исследование восприятия социальных угроз гражданами пяти стран постсоветского пространства. В преддверии саммита "большой восьмерки" (G8) Компания **Global Market Insite, Inc. (GMI)** любезно предоставила возможность использования своей онлайн-панели для проведения аналогичного экспериментального исследования во всех странах G8 — США, Великобритании, Канады, Франции, Германии, Италии, Японии и России (проект "**G8-Fears**").

Авторы проекта полагают, что его результаты — своеобразные рейтинги социальных угроз в восприятии граждан "большой восьмерки" — дадут богатый материал для формирования актуальной повестки дня встреч мировых лидеров¹.

Общий уровень социальной тревожности

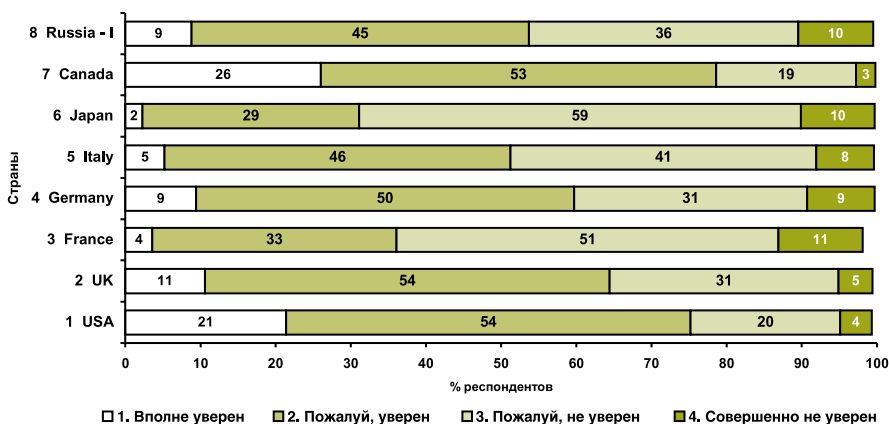
Показатели общей социальной тревожности в разных странах демонстрируют высокую степень различия (дифференциации). Если в США и Канаде три четверти и более опрошенных (75% и 79% соответственно) в той или иной степени *уверены в своем будущем*, то во Франции и Японии таких респондентов всего около трети (36% и 31% соответственно). Российская аудитория Интернета попадает по данному показателю в "среднюю лигу" — от 50% до 65% уверенных (хотя в рамках традиционных квартирных опросов уверенных в своем будущем респондентов набирается несколько меньше — от 35% до 40%) (рис. 1).

ЗАДОРИН Игорь Вениаминович, руководитель исследовательской группы ЦИРКОН.

¹ Межстрановый опрос "G8-Fears" по методике GMI Poll проводился с 15 по 23 июня 2006 г. среди 8000 респондентов в возрасте старше 18 лет (респрезентативные выборки объемом 1000 человек для каждой страны "Большой восьмерки"). Отбор респондентов осуществлялся случайным образом из самого большого в мире 5-миллионного онлайн-сообщества потребителей в рамках квот по полу, возрасту, а также, где это возможно, по региону проживания и этнической принадлежности. Первичные данные собирались при помощи онлайн-платформы **Net-MR**[®] (интернет-опрос). Единство методики опросов в разных странах позволяет корректно сравнивать общественное мнение, а также определять различия массового восприятия социальных угроз во всех странах **G8**.

Рисунок 1.

Вы уверены или не уверены в своем будущем?

Во всех странах G8 большая часть респондентов (от 55% до 83%) в той или иной степени солидаризировалась с точкой зрения, что *жизнь в стране становится опаснее*. Вместе с тем россияне существенно чаще утверждают, что жизнь в стране становится *безопасней* — так считает почти половина (45%) респондентов GMI-Poll. В этом российские респонденты оказались ближе к США, где также больше трети опрошенных фиксируют улучшение положения в сфере безопасности. По всей видимости, и россияне, и американцы все еще не отошли от шока террористических атак 1999–2001 гг., по сравнению с которыми нынешняя ситуация кажется им спокойнее. А вот европейцы и японцы в подавляющем большинстве считают наоборот (рис. 2).

Рейтинг социальных угроз

Каких социальных угроз граждане G8 опасаются более всего? В качестве тестируемого набора угроз респондентам были предложены 10 явлений.

В табл. 1 приведены доли респондентов в каждой стране, *часто или постоянно* испытывающих беспокойство по поводу соответствующих угроз.

Рисунок 2.

Жизнь в нашей стране становится...

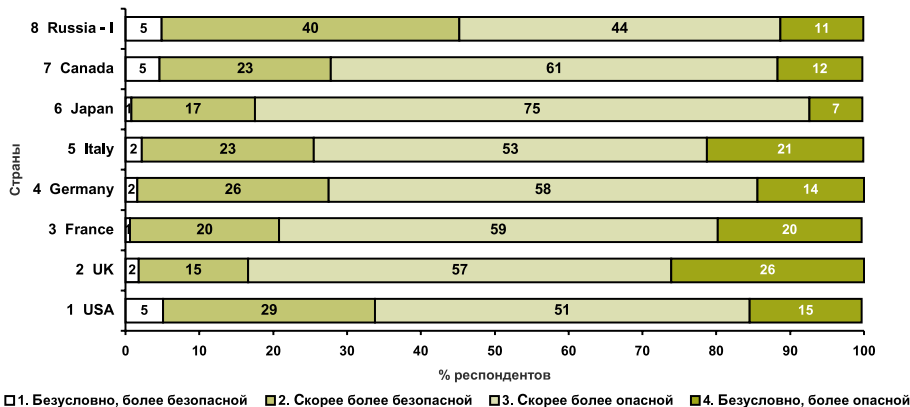

Таблица 1.

Респонденты, часто или постоянно испытывающие беспокойство по поводу угроз, %

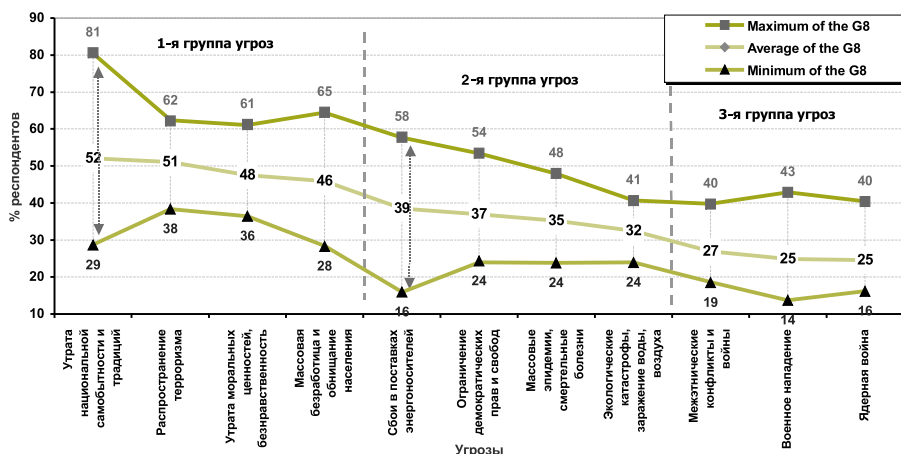
УГРОЗЫ								
	1 USA	2 UK	3 France	4 Germany	5 Italy	6 Japan	7 Canada	8 Russia - I
Распространение терроризма	47	45	62	51	61	51	38	54
Утрата национальной самобытности и традиций	41	29	81	76	69	47	36	39
Массовая безработица и обнищание населения	33	28	65	49	61	52	36	44
Утрата моральных ценностей, безнравственность	40	39	61	43	55	46	36	59
Сбои в поставках энергоносителей	43	25	47	39	53	58	28	16
Ограничение демократических прав и свобод	37	24	54	39	51	36	25	30
Массовые эпидемии, смертельные болезни	32	24	48	33	40	37	35	34
Экологические катастрофы, заражение воды, воздуха	31	33	38	24	41	32	30	31
Межэтнические конфликты и войны	19	19	40	19	31	32	19	37
Военное нападение	28	18	25	29	25	43	18	14
Ядерная война	24	17	29	25	28	40	17	16

Как видно из представленных данных, в число социальных угроз, чаще всего вызывающих серьезное беспокойство населения стран G8, вошли как совершенно ожидаемые в этом качестве угрозы "распространения терроризма" и "массовой безработицы и обнищания", так и довольно неожиданные угрозы гуманитарного (социокультурного) плана — угроза "потери национальной самобытности и традиций" и угроза "утраты обществом моральных ценностей". Все угрозы, касающиеся военных конфликтов, большинству респондентов не представляются столь же актуальными (не представляются вероятными, а, следовательно, вызывающими тревогу).

Вместе с тем дифференциация общественного мнения в вопросе "о страхах" довольно велика. Так, различия в уровне опасений по поводу "утраты национальной самобытности" и "сбоев в поставках энергоносителей" превышают 50% выборки (например, во Франции — 81% респондентов испытывают беспокойство по поводу "утраты национальной самобытности", а в Великобритании только 29%). Иными словами, в отдельных странах G8 отношение к этим угрозам прямо противоположное (рис. 3).

Рисунок 3.

Рейтинг социальных угроз и опасений (доли респондентов, часто или постоянно испытывающих тревогу по поводу соответствующих угроз)

Французы и итальянцы демонстрируют повышенный уровень обеспокоенности (более 50% опрошенных) применительно к большей части социальных угроз (из 11 предложенных). Напротив, в США, Канаде и Великобритании ни одна из тестируемых угроз не набирает 50% обеспокоенных ею респондентов.

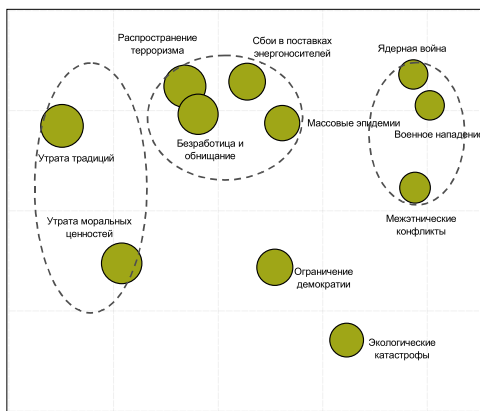
Типология социальных угроз

Понятно, что разные участники опросов отмечали в качестве *наиболее опасных* для себя явлений разные альтернативы из 11 предложенных. И то, как часто некоторые социальные угрозы выбирались (или не выбирались), может свидетельствовать об их определенной близости в массовом сознании граждан "восьмерки". На основе анализа согласованности оценок опасности разных социальных угроз можно построить типологию социальных угроз. На рис. 4 приведен результат двух математических процедур (кластерного анализа и многомерного шкалирования на основе близости оценок тревоги), позволяющий предположить наличие в массовом сознании трех типов социальных угроз:

- Угрозы жизни и безопасности
- Угрозы потери социального комфорта (социальные лишения)
- Угрозы потери культурно-психологического комфорта (в том числе ценностный, идеологический, религиозный дискомфорт).

Можно сказать, что большинство респондентов акцентируют внимание на каком-то одном из типов социальных угроз, и в разных странах эта акцентировка может быть различной, определяющей национальный тип социальной тревожности.

Рисунок 4.

1 Военное нападение	⚡	⚡	
9 Ядерная война	⚡	⚡	
4 Межэтнические конфликты	⚡	⚡	↔
2 Массовые эпидемии	⚡	⚡	↔
7 Безработица и обнищание	⚡	⚡	↔
3 Распространение терроризма	⚡	⚡	↔ ↔
11 Сбои в поставках энергоносителей	⚡	⚡	↔ ↔
8 Утрата традиций	⚡	⚡	↔ ↔
10 Утрата моральных ценностей	⚡	⚡	↔
5 Ограничение демократии	⚡	⚡	↔
6 Экологические катастрофы	⚡	⚡	↔

Национальные профили социальной тревожности

Как уже отмечалось, исследование выявило существенную дифференциацию общественного мнения относительно социальных угроз. Для каждой страны был построен свой *профиль социальной тревожности*, основанный на расчете доли респондентов, выражающих заметное беспокойство по поводу каждой из тестируемых социальных угроз. На рис. 5 и 6 представлены такие профили для разных стран.

Нетрудно заметить, что для всего набора социальных угроз профили социальной тревожности Франции, Италии (а также в большинстве случаев и Германии) лежат выше соответствующих профилей США, Канады и Великобритании. Это означает, что у континентальных европейцев вообще выше общий уровень социальной тревожности.

Вместе с тем есть угрозы, по которым различия в уровне обеспокоенности достигают 50%. Так, если для стран континентальной Европы "*потеря национальной самобытности*" является одним из самых актуальных страхов, то для большинства респондентов США, Канады и Великобритании эта угроза не является значимой. Выдвинем в качестве объясняющих гипотез, требующих проверки в дальнейших исследованиях, следующие предположения. С одной стороны, американцы и канадцы по своему психотипу и национальному генезису изначально более космополитичны и ориентированы на глобализацию и унификацию ценностных норм. С другой стороны, европейцы, в последнее время больше других стран "продвинувшиеся" в строительстве интернационального общего дома, уже испытывают некоторый испуг, связанный с ускоренной интеграцией и делегированием суверенитета (голосование в некоторых странах по проекту европейской Конституции — первое тому подтверждение).

Весьма показательны различия в уровне обеспокоенности возможными "*сбоями в поставках энергоносителей*". Понятно, что наиболее тревожными на сей счет являются жители Японии — страны, очень сильно зависящей от внешних закупок нефти и другого топлива. Кроме того, японцы чаще граждан других стран выражают озабоченность военными угрозами (в том числе угрозой *ядерной войны*). А наименее озабоченными как поставками энергоносителей, так и внешне-

Рисунок 5.

Национальные профили социальной тревожности (доли респондентов, часто или постоянно испытывающих тревогу по поводу соответствующих угроз), %

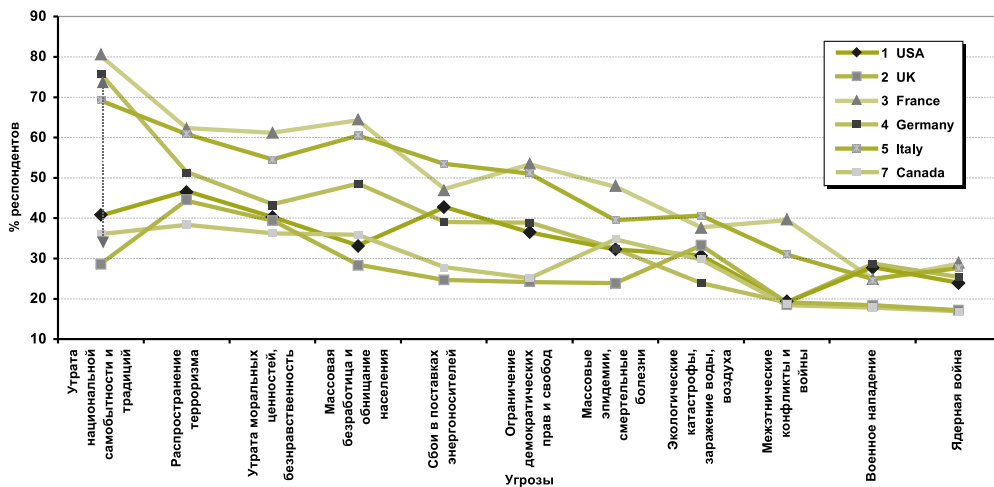
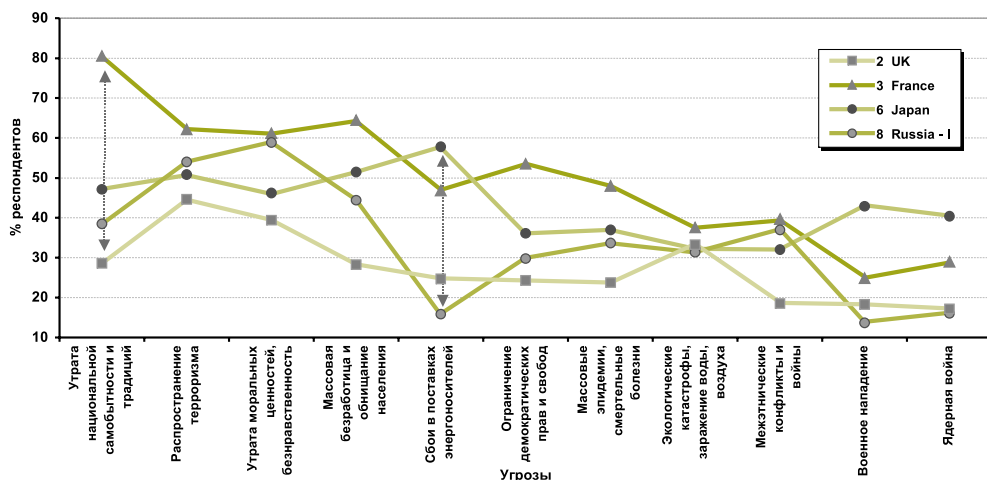

Рисунок 6.

Национальные профили социальной тревожности (доли респондентов, часто или постоянно испытывающих тревогу по поводу соответствующих угроз)

политическими угрозами оказались россияне (точнее, интернетизированные россияне, поскольку в традиционном опросе face-to-face уровень озабоченности военными угрозами зафиксирован вдвое выше, и здесь россияне больше напоминают японцев, чем европейцев).

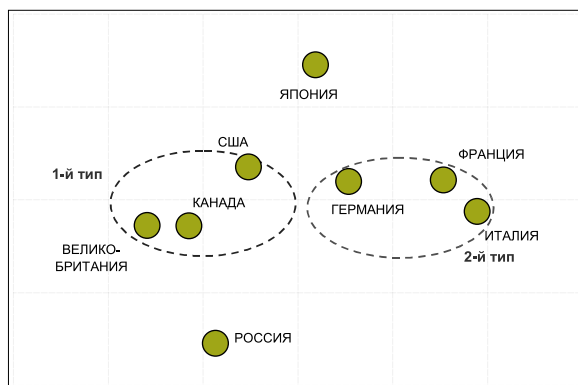
Национальные типы социальной тревожности

На основании сравнительного анализа национальных профилей социальной тревожности (по степени их близости, похожести) была сделана попытка классифицировать страны G8 в пространстве социальных угроз.

На рис. 7 приведен результат многомерного шкалирования, воспроизводящий в двумерном пространстве расстояния между странами по степени различия их национальных профилей социальной тревожности.

Исходя из результатов математического анализа данных, можно смело предположить существование, по меньшей мере, двух выраженных типов социальной тревожности, которые условно можно назвать "атлантическим" ("американским") и "континентальным" ("европейским").

Рисунок 7.

Чем характеризуются эти два выше указанных типа социальной тревожности?

На основании данных опросов по проекту G8-Fears можно говорить о двух главных различиях: различии в общем *уровне* социальной тревожности и различии в *акцентировке внимания* на разных типах социальных угроз.

На основе ответов на главный вопрос исследования ("*В какой степени Вы лично опасаетесь следующих возможных событий и явлений в нашей стране?*") все респонденты были разделены на три группы: респонденты, которые не испытывают заметного беспокойства ни по одной из перечисленных угроз ("социально спокойные"); респонденты, фиксирующие свое частое или постоянное беспокойство по поводу 5 и менее угроз из предложенных к оценке 11; респонденты, всерьез озабоченные большинством угроз (6 и более) — "социально тревожные".

На рис. 8 представлено распределение указанных групп респондентов в разных странах.

Как видно, в странах 1-го типа социальной тревожности (США, Канада, Великобритания) более четверти респондентов не проявляют обеспокоенности ни по одной из 11 угроз, тогда как во Франции, Италии и Германии (2-й тип) таких респондентов не набирается и 10%. По уровню общей социальной тревожности российская интернет-аудитория оказывается ближе к "атлантическому" типу, а японцы — к "европейскому".

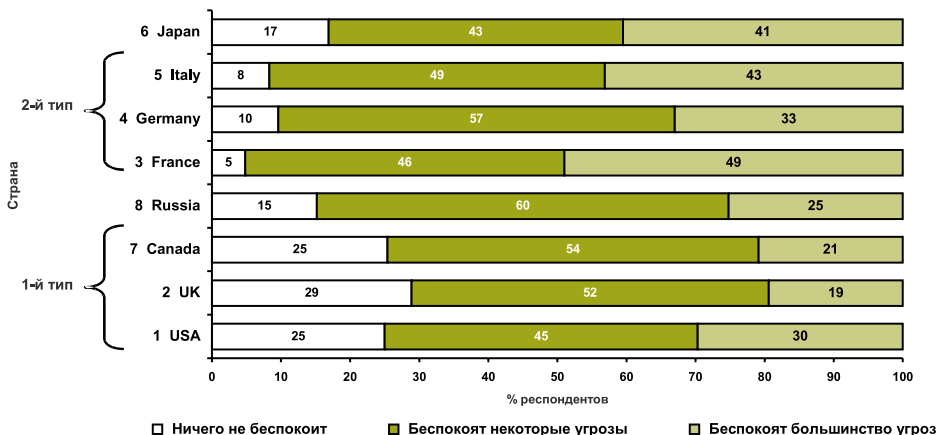
Вместе с тем второй фактор — акцентировка обеспокоенности на определенном типе социальных угроз — несколько меняет картину. По этому фактору российские респонденты оказываются ближе к "европейскому" типу, характеризующемуся повышенной тревожностью относительно угроз потери национально-культурной идентичности. Напротив, японцы чуть чаще обеспокоены угрозами потери "социального комфорта", что характерно для "атлантического" типа социальной тревожности.

Социально-демографические факторы социальной тревожности

В рамках исследования "G8-Fears", как это обычно бывает во всех социологических исследованиях, проверялись гипотезы зависимости социальной тревожности от социально-демографических параметров респондента (пол, возраст, об-

Рисунок 8.

Доли социально спокойных и социально тревожных респондентов, %

разование, доход). Действительно серьезных различий в восприятии социальных угроз представителями различных гендерных, возрастных и доходных групп респондентов обнаружено не было. Чуть чаще повышенное беспокойство социальными угрозами проявляли женщины, лица старшего возраста и менее состоятельные респонденты, что, в общем-то, весьма естественно. Несколько более дифференцирующим фактором оказалось *образование*, причем респонденты со средним образованием немного чаще декларировали повышенное беспокойство, чем респонденты с высшим образованием.

Три главных вывода

1. В число социальных угроз, чаще всего вызывающих серьезное беспокойство населения стран "большой восьмерки", вошли, с одной стороны, совершенно ожидаемые в этом качестве угрозы потери социального комфорта — угроза *"распространения терроризма"*, угроза *"массовой безработицы и обнищания"*, с другой — довольно неожиданные угрозы культурно-психологического плана — угроза *"потери национальной самобытности и традиций"* и угроза *"утраты обществом моральных ценностей"*. Все угрозы, касающиеся *военных конфликтов и войн* (угрозы потери безопасности), большинству респондентов не представляются сегодня столь же актуальными. Можно сказать, что социокультурные проблемы, связанные с рисками глобализации (типа "потери национальной самобытности" и т.п.), очевидно "просятся" в повестку дня будущих встреч мировых лидеров.

2. Восприятие социальных угроз в разных странах существенно отличается друг от друга. Прежде всего общий уровень тревожности в странах континентальной Европы (Франция, Германия, Италия) существенно выше, чем в "атлантических" странах (США, Канада, Великобритания). При этом в первом случае заметно выше актуальность культурной проблематики (традиции, мораль и т.п.), а во втором — респонденты чаще опасаются угроз, связанных с возможной потерей социального комфорта. В известной мере можно говорить о двух типах тревожного сознания — "европейском" и "атлантическом". Россия и Япония в этом смысле представляют собой отдельные специфические типы массового сознания.

3. Восприятие социальных угроз оказалось слабо связанным с социально-демографическими параметрами респондентов (пол, возраст, материальное положение). Похоже, в большей мере оно определяется культурно-психологическим типом индивида и образованием. В этой связи можно предположить, что специфическая в культурном и образовательном плане аудитория Интернета в значительной степени представляет собой передовую группу всего общества, а ее актуальная социальная проблематика, возможно, является будущей актуальной проблематикой всего населения страны.

Using results of cross-cultural surveys in the countries of G8, the author compares fears and concerns of their peoples.